

Почти полмесяца усердных размышлений и учебы не прошли даром: Линь Цзэчуань, у которого не было абсолютно никакого актерского опыта, добился огромных успехов в мастерстве перевоплощения. Конечно, он не мог тягаться с обладателями премий за лучшие роли, но по крайней мере больше не тянул съемочную группу назад. Сегодня днем снималась последняя сцена Линь Цзэчуаня в съемочной группе «Скрытого проникновения». Ее можно было назвать небольшой кульминацией всей картины. Поэтому, как бы ни был хорош настрой Линь Цзэчуаня, во время съемок этой сцены он неизбежно нервничал.

Еще будучи Чэн Сяннанем, он приобрел привычку: когда тот нервничал, он начинал постоянно пить воду.

Наконец, сидевший поодаль Цзян Иньтянь не выдержал и произнес:

— Сколько прошло времени, а ты уже выпил две бутылки. У тебя живот не лопнет? Скоро опять сниматься, смотри, не захочешь в туалет посреди сцены.

С этими словами он бросил косой взгляд на живот Линь Цзэчуаня.

Линь Цзэчуань выбросил пустую бутылку в мусорный бак:

— Я немного нервничаю.

— Раньше, когда ты нервничал, разве ты не терял аппетит и не мог сделать ни глотка? — спросил Цзян Иньтянь.

Тело Линь Цзэчуаня на мгновение оцепенело. Откуда ему было знать, что привычки прежнего Линь Цзэчуаня были точь-в-точь противоположными его собственным? На этот раз Цзян Иньтянь не стал додумывать всё сам, так что Линь Цзэчуаню пришлось выкручиваться и искать оправдание.

Линь Цзэчуань потрогал нос и сказал:

— С вчерашнего дня и до сих пор из-за головной боли я почти ничего не пил.

Причина звучала убедительно, поэтому Цзян Иньтянь не стал сомневаться.

Когда настала очередь Линь Цзэчуаня гримироваться, он обнаружил, что красит его вовсе не визгливый визажист с жеманными манерами, а миловидная девушка. Хотя Линь Цзэчуань считал того жеманного визажиста ужасно надоедливым и сплетником, они всё же провели вместе немало времени и успели привыкнуть друг к другу. Поэтому он обратился к миниатюрной девушке с яблочником на щеках:

— Этот манер...

Только открыв рот, он понял, что до сих пор не знает имени того жеманного визажиста. Линь

Цзэчуань кашлянул, чтобы скрыть неловкость, и с улыбкой произвел:

— Раньше я тебя здесь не видел.

Увидев Линь Цзэчуаня, девушка с яблочником на щеках засияла: изысканная и утонченная внешность Линь Цзэчуаня обладала невероятной притягательностью для девушек ее возраста — разве это не классический образ принца из университетского городка?

— Меня зовут Линь Шаньшань. Луо Хаю нездоровится, поэтому несколько дней я буду делать вам макияж. Могу я узнать ваше имя? — Довольно произнесла она и устремила на Линь Цзэчуаня сияющие, полные надежды глаза. На самом деле последняя фраза была для нее главным.

Уголки рта Линь Цзэчуаня дернулись. Луо... Хао? Тот жеманный визажист выглядел и одевался столь женственно, а носил такое мужественное имя. Впрочем, удивление Линь Цзэчуаня длилось всего мгновение, и он быстро взял себя в руки, так что Линь Шаньшань ничего не заметила.

Линь Цзэчуань улыбнулся:

— Какое совпадение, я тоже однофамилец. Меня зовут Линь Цзэчуань.

Линь Шаньшань тут же вытащила телефон и закивала:

— Да-да, какое невероятное совпадение. Можешь продиктовать свой номер телефона?

В этом, пожалуй, и заключалась главная цель Линь Шаньшань... Раз уж она даже достала телефон, мог ли он отказать? Линь Цзэчуань с горькой усмешкой продиктовал свой номер.

Сцену снимали на загородной натуре. Поскольку съемки еще не начались, загримированный и переодевшийся Линь Цзэчуань немного побродил вокруг, считая это способом расслабиться. Он постоянно чувствовал, что что-то не так, но не понимал, в чем дело. Пока он не дошел до временной парковки — тогда-то причина и раскрылась. Раньше самым приметным автомобилем на стоянке всегда был роскошный микроавтобус Чжоу Юйтуна, но сейчас машины Чжоу Юйтуна там не оказалось. Иными словами, Чжоу Юйтун до сих пор не приехал.

Пусть характер и терпение Чжоу Юйтуна оставляли желать лучшего, он всегда отличался профессионализмом. Почему же сегодня, накануне начала съемок, его до сих пор не было? Линь Цзэчуань прислонился к фонарному столбу, устремив взгляд на пустое место, оставленное специально для машины Чжоу Юйтуна.

Наконец тот самый, до боли знакомый Линь Цзэчуаню микроавтобус медленно въехал на временную парковку. Чжоу Юйтун вышел из машины, опираясь на поддержку агента. Сначала Линь Цзэчуань подумал, что Чжоу Юйтун просто капризничает, раз заставляет агента Фан Айсиня поддерживать себя, но когда тот поднял голову, Линь Цзэчуань заметил, насколько у

него дурной вид. Несмотря на темные очки, закрывавшие пол-лица, губы казались совершенно белыми.

Выбравшись из машины, Чжоу Юйтун оттолкнул агента. Заметив это, Линь Цзэчуань усмехнулся. Всё еще так любит хорохориться! Бывало, когда Чжоу Юйтуна привозили домой вусмерть пьяным, а Чэн Сяннань выходил ему помогать, он точно так же неизменно отталкивал Чэн Сяннаня.

Но улыбка мгновенно исчезла с лица Линь Цзэчуаня, сменившись ледяным холодом в глубине глаз. Докатиться до такого — и всё равно продолжать думать о Чжоу Юйтуне! Линь Цзэчуань подумал, что он и впрямь законченный мазохист и ничтожество.

Словно что-то почувствовав, Чжоу Юйтун обернулся в сторону Линь Цзэчуаня, но обнаружил, что там никого нет. Почему же ему на секунду показалось, что за ним наблюдает Чэн Сяннань? Он горько усмехнулся: человека уже нет в живых, о чем он еще мечтает? В груди внезапно кольнуло, и он болезненно поморщился.

Фан Айсинь бросил взгляд на Чжоу Юйтуна и вздохнул:

— Я же просил тебя не злоупотреблять алкоголем, а ты вечно не слушаешь.

После смерти Чэн Сяннаня, за исключением работы и обязательных светских выходов, Чжоу Юйтун напивался до бесчувствия при любой возможности. К счастью, он пил дома за закрытыми дверями, иначе, попадись он папарацци на улице, его наверняка долго полоскали бы на первых полосах газет и сайтов.

— Тебе есть дело до моей личной жизни? — холодно бросил Чжоу Юйтун.

На месте Фан Айсиня любой другой давно бы замолчал, столкнувшись с подобным недовольством, но Фан Айсинь был агентом, которого для Чжоу Юйтуна нанял сам Чэн Сяннань. Он вел дела Чжоу Юйтуна уже четыре года. В те времена, когда Чжоу Юйтун был лишь новичком, Фан Айсинь уже являлся звездным агентом — даже обладательница титула кинодивы Цинь Япэй начинала под его началом. Чэн Сяннань потратил немало сил, чтобы переманить Фан Айсиня и поручить ему еще никому не известного Чжоу Юйтуна.

Фан Айсинь просто проигнорировал раздражение Чжоу Юйтуна:

— Мне нет дела до твоей личной жизни, но раз твоя личная жизнь начинает мешать работе, я не могу молчать.

Чжоу Юйтун приоткрыл рот, собираясь возразить. Фан Айсинь взмахнул рукой, останавливая его:

— Не спорь. Взять хотя бы сегодняшний день: ты вчера так напился, что не мог подняться всё утро. До начала съемок осталось пятнадцать минут. Обычно ты приезжаешь на площадку на

полтора часа раньше. Завтра в утренних газетах появится новость о том, что ты возомнил себя звездой и чуть не опоздал.

Чжоу Юйтуна это ничуть не заботило, он лишь усмехнулся:

— Разве подобных слухов мало?

Фан Айсинь серьезно посмотрел на Чжоу Юйтуна и медленно произвел:

— Раньше это, может, и не имело значения, но сейчас ты сам знаешь свое положение. Стоит оступиться, и тебя уже никто не спасет. Если до этого дойдет, о возвращении можешь и не мечтать.

Услышав слова Фан Айсиня, Чжоу Юйтун резким движением сорвал с лица темные очки, и в его суженных глазах блеснул холод:

— Чего мне теперь бояться?

Фан Айсинь медленно покачал головой:

— Нам не одолеть Цинь Мина.

Чжоу Юйтун сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев:

— Этот ублюдок Цинь Мин ответит в аду!

Линь Цзэчуань успел вовремя скрыться в роще, еще до того как Чжоу Юйтун повернулся. Из-за большого расстояния он не расслышал, о чем говорили Чжоу Юйтун и Фан Айсинь. Он лишь видел, как те остановились на пару минут, после чего телохранители препроводили их на съемочную площадку. Взглянув на часы и обнаружив, что до мотора осталось чуть больше десяти минут, Линь Цзэчуань тоже поспешил обратно. Он не был такой же звездой высшей величины, как Чжоу Юйтун, и если бы опоздал, то услышал бы в свой адрес отборную ругань Ван Фей. Тяжело вздохнув, он подумал, что в этом и заключается вся горечь положения простого человека... Теперь он отчасти понимал, почему Чжоу Юйтун всеми правдами и неправдами карабкался вверх.

Благодаря слаженной работе гримеров и костюмеров, на подготовку Чжоу Юйтуна ушло всего около десяти минут.

Сцена, которую предстояло снять, представляла собой ту самую драматичную кульминацию, от которой у Линь Цзэчуаня сразу после перерождения волосы встали дыбом: его персонаж, Чжао Линь, закрывает собой от пули Лю Лэлана в исполнении Чжоу Юйтуна и погибает, а затем... а затем на этом всё, линия Чжао Линя окончательно завершается. Читая сценарий впервые, Линь Цзэчуань сразу понял, как Ван Фэй определил роль Чжао Линя — роскошная, кричащая пушечная мясо-красотка.

Местом съемок выбрали небольшую проселочную дорогу на окраине, окруженную рощей — идеальные декорации для перестрелки. В предыдущем эпизоде Сунь Чживей приказал Лю Лэлану навести порядок и объединить Зал Пылающего Пламени, разбитый бандой Хайлун. Лю Лэлан вместе с Чжао Линем успешно выполнили задание подчиненных Сунь Чживея и тайно передали всю информацию о той стычке полицейскому связному. После этого оба собирались вернуться в корпорацию Хайлун.

Убедившись, что все актеры готовы, Ван Фэй переговорил со вторым режиссером и скомандовал:

— Action!

В этот момент Лю Лэлан и Чжао Линь возвращались в корпорацию Хайлун. За рулем сидел Чжао Линь, а Лю Лэлан расположился на пассажирском сиденье; они обсуждали, как доложить о ситуации Сунь Чживею так, чтобы не вызвать у того подозрений.

Вдруг из-за поворота узкой проселочной дороги вылетели три машины: одна неслась прямо на них на тараном, а две другие зажали сзади с флангов. Люди во всех трех автомобилях синхронизировали движение и открыли огонь по Лю Лэлану и Чжао Линю.

Перед съемками этой сцены Ван Фэй хотел посадить за руль каскадера вместо Линь Цзэчуаня, но тот отказался. Что касается гонок, то в бытность Чэн Сяннанем он вместе с компанией безумных приятелей заслужил у прессы репутацию «убийцы на дороге», вечно гоняя по оживленным улицам — к счастью, обходилось без жертв. Убедившись в навыках вождения Линь Цзэчуаня, Ван Фэй разрешил ему выполнять трюк самостоятельно.

Хотя Чжао Линь мастерски водил машину, противостоять зажавшей их с трех сторон тройке автомобилей было непросто. Они с Лю Лэланом одновременно выхватили оружие и прострелили колеса машины, мчавшейся на них в лоб. Когда та перевернулась, оба по молчаливому согласию выпрыгнули из салона и бросились в рощу.

Люди из оставшихся двух машин тоже распахнули дверцы и бросились в погоню.

Спрятавшись за стволами деревьев, Чжао Линь и Лю Лэлан переглянулись, и Чжао Линь произнес:

— Главарем у них Ху Жэньюн.

Лю Лэлан кивнул. Ху Жэньюн был доверенным лицом главы Зала Пылающего Пламени, так что Чжао Линь и Лю Лэлан окончательно убедились — это месть со стороны Зала Пылающего Пламени.

После ожесточенной перестрелки с нападавшими было покончено. Только тогда Чжао Линь и Лю Лэлан осторожно вышли из рощи.

Внезапно Чжао Линь почувствовал движение за спиной! Резко развернувшись, он выстрелил, но палец Ху Жэньюна уже нажал на спусковой крючок, и пуля со свистом рассекла воздух. Не раздумывая ни секунды, Чжао Линь бросился на Лю Лэлана, сбивая его с ног.

Лю Лэлан торопливо перевернулся, прижимая к себе Чжао Линя, но, обнаружив, что его руки в крови, прокричал затуманивающимся взглядом:

— Чжао Линь, ты ранен! Не закрывай глаза, держись!

Лицо Чжао Линя было мертвенно-бледным, он с мучительной гримасой смотрел на Лю Лэлана, изо всех сил цепляясь пальцами за его одежду. Затем он медленно покачал головой:

— Бесполезно...

Поняв, что пуля вошла прямо в область сердца Чжао Линя, Лю Лэлан побелел еще сильнее и снова и снова повторял:

— Всё будет хорошо...

Виски Линь Цзэчуаня покрылись испариной от боли, он судорожно вцепился в рукав Чжоу Юйтуна, веки его медленно опускались, и наконец он едва слышно выдохнул:

— Я... ни о чем... не жалею...

Дыхание Чжоу Юйтуна перехватило. Он же просто играл роль, почему же ему вдруг стало так невыносимо больно? Казалось, человек перед ним действительно покидает его навсегда. Он крепко обнял Линь Цзэчуаня и хрипло простонал:

— Нет!

Слезы, покотившиеся из его глаз, были горькими до боли. Это были собственные эмоции Чжоу Юйтуна, а не Лю Лэлана, оттого сцена пробирала до мурашек еще сильнее.

— СТОП! Идеально! Просто идеально! — восторженно кричал Ван Фэй. — В этой финальной сцене эмоции переданы безупречно! Боль от ранения, испарина, отсутствие сожалений в сердце Чжао Линя... И внутренняя боль Лю Лэлана, прорыв его чувств! Идеально, просто идеально!

Чжоу Юйтун отпустил Линь Цзэчуаня и молча зашагал прочь, оставив позади лишь холодную спину, хотя слезы на его глазах всё еще не высохли. Съёмочная группа не удивилась, решив, что актер слишком сильно вжился в роль. Приняв из рук Фан Айсиня носовой платок, Чжоу Юйтун вытер лицо. Он и сам не понимал, откуда в нем взялся такой мощный взрыв эмоций, направленный к тому же на малознакомого актера третьего эшелона.

Линь Цзэчуань поднялся на ноги и поспешил покинуть площадку, даже не утерев пот со лба. Окружающие тоже подумали, что он переусердствовал с погружением в образ.

Куда же направлялся Линь Цзэчуань? Ответ прост: в туалет...

Из-за нервов перед началом съемок он напился воды... А когда сцена перевалила за середину, ему приспичило в туалет. Под конец, произнося реплику я не жалею, он уже потел от напряжения и едва сдерживался, так что ему даже не пришлось изображать эмоции — он просто честно отбарабанил текст.

Как же мучительно сдерживать позывы в туалет!

<http://bllate.org/book/25522/3044950>